

Религиозно-поэтическое сознание И.Бродского в контексте духовных исканий русского модернизма // Восточнославянская филология : Сборник научных работ. – Выпуск 12. – Горловка : Издательство ГГПИИЯ, 2007. – С.116-126

Н.Ильинская

Религиозно-поэтическое сознание И.Бродского в контексте духовных исканий русского модернизма

Цель статьи – рассмотреть специфику культурно-религиозного сознания И.Бродского; выявить мотивную структуру, жанрово-стилевые доминанты его религиозно-философской поэзии, проследить ее типологическую схожесть с поэзией русского модернизма.

Типологическая схожесть религиозно-философских исканий начала и конца XX века отмечена неоднократно; здесь же подчеркнем лишь один из аспектов: поиски Абсолюта и личностной Веры через искусство и словесное творчество. При этом заметим, что кризис исторического христианства на первом рубеже веков не так сокрушительно ударяет по вероучительным твердыням и духовности по сравнению с постхристианской социокультурной ситуацией, когда религиозные ценности уже не определяют в целом мирочувствие и поведение социума. Если представители русского культурного ренессанса получают религиозное воспитание, имеют доктринальные знания и опыт духовной практики, то поэты второй половины XX столетия в большинстве своем возвращаются к Богу не через храм, а в результате особой «духовной жажды». Показательны в этом плане суждения О. Седаковой, которая культуру и религиозность называет двумя равнозначными неконформистскими началами, сопряженными с поисками духовной и внутренней свободы: «Освобождающегося человека в России в те годы посетило какое-то совершенно особое религиозное вдохновение, внецерковное и внетрадиционное вообще... [...] Для Венедикта Ерофеева, для Бродского и для многих других, религиозная жизнь была таким глубоко своим, личным, интимным, с глазу на глаз переживанием, [...] что какую-либо догматику, дисциплину увязать с этим было бы

слишком трудно. Это была совершенно стихийная анархическая религиозность, возможная только там, где всякая традиция выжжена и где уже трехлетнему ребенку вбивают в голову «атеизм» [1, 834].

Как известно, вплоть до Нового времени источником художественного творчества является культ, с искренним его переживанием и добровольным следованием эстетическому канону, выросшему из догматических и онтологических основ христианства. Рассматривая взаимосвязь между Церковью, верой и творчеством, исследователи справедливо утверждают, что «поэтическое мышление как одна из данностей мирочувствования не «изгонялась» вон, но вбиралась внутрь и «переваривалась» религиозным сознанием. И если даже предметом поэтического речения оказывалось не безусловное мирочувствование (как, например, в церковно-славянской гимнографии), а нечто вполне мирское – все равно это мирское было пронизано и одухотворено всеединым светом мысли и милости Божьей» [2, 49]. Высказывание Тертуллиана о том, что душа человека по природе своей христианка, подтверждает мысль о синергийности человека с Богом в процессе культурного творчества. В тяжелое время сталинской инквизиции – время тотального уничтожения и христианства, и культуры – О. Мандельштам усматривает тождество между ними («...всякий культурный человек – христианин»), подчеркивая свободный характер христианского искусства, которое «благодаря чудесной милости христианства есть отпущение мира на свободу – для игры, для веселья, для свободного «подражания Христу» [3, 158]. Доклад О. Мандельштама о Скрябине представляет попытку обоснования христианской эстетики.

Именно этот путь религиозно-философских исканий, связанный с обращением к духовному потенциалу искусства на креативном и рецептивном уровнях, для многих становится основным. Яркой его иллюстрацией являются духовные поиски И. Бродского, тип поэтического сознания которого мы рассматриваем как культурно-религиозный. «Бог умер, но человек не стал от этого атеистом», – утверждает Ж. -П. Сартр [4, 20]. Возвращенный в недрах атеистического государства (Ветхий и Новый Завет открыт в возрасте 23 или 24 лет), будущий нобелевский лауреат приходит к мыслям о Боге через культуру Петербурга, христианскую по

своей сути. Неслучайно еще до прочтения Библии он напишет: «Каждый пред Богом наг. / Жалок, наг и убог. / В каждой музыке Бах, / В каждом из нас Бог» [5, I; 25], объединив в одном поэтическом пространстве культуру и духовность. Эрмитаж, среди картин которого множество полотен на библейские сюжеты, духовная музыка Баха, Гайдна, Персела, архитектура Петербурга становятся для Бродского духовным прибежищем. К культурным влияниям следует отнести и высокую классику, поскольку к христианству И. Бродского приводит поэзия – как через собственную поэтическую практику, так и через стихи А. Кантемира, Г. Державина, Е. Баратынского, А. Пушкина, О. Мандельштама, В. Ходасевича, Н. Клюева.

Особенности религиозно-поэтического сознания И. Бродского прокомментированы А. Кушнером: «Религиозным в настоящем смысле этого слова Бродский не был. Он даже ни разу не посетил Израиль, Иерусалим. С Господом Богом у него были свои интимные, сложные отношения, как это принято в нашем веке среди интеллигентных людей... Но каждое стихотворение поэта – молитва, потому что стихи обращены не к читателю. Если эта внутренняя, сосредоточенная речь и обращена к кому-то, то, как говорил Мандельштам, – к «провиденциальному собеседнику», к самому себе, к лучшему, что тебе не принадлежит, к «небожителю» [6, 206]. Подчеркивая трансцендентную природу творчества, И. Бродский также указывает на схожие механизмы продуцирования поэзии и молитвы.

Значительную роль в обретении нобелевским лауреатом христианских ценностей сыграла Анна Ахматова – последний классик русской литературы, писавший стихи на библейскую и евангельскую тематику (заметим, «последним поэтом», завершающим традицию, позиционирует себя и И. Бродский). Отрицая ее прямое поэтическое воздействие, И. Бродский акцентирует конфессиональные поведенческие модели, присущие А. Ахматовой и повлиявшие на его аксиологию: именно то, что она «простила врагам своим, было самым лучшим уроком того, что является сущностью христианства» [7, 130]. А.А.Ахматовой посвящены стихи, ставшие вершиной его духовной поэзии: «Сретенье» (1972) и «На столетие Анны Ахматовой» (1989). Когда в одном из интервью И. Бродскому сказали, что христианская тема – в традиционном понимании – обозначена недостаточно

отчетливо в его поэзии, то он ответил: «Она проявляется в системе ценностей, которые в той или иной степени присутствуют в произведениях» [8, 6].

Проблема религиозного самоопределения И. Бродского, когда каждое мнение *pro et contra* находит обоснование в текстах и высказываниях самого поэта, достаточно полно отрефлексирована в работах А. Ранчина [9, 161-162]. Спорить же о месте христианских ценностей в системе культурно-религиозного сознания И. Бродского, о месте евангельских и шире – библейских тем в его лирике можно до бесконечности, если не обратить внимания на слова самого поэта, указывающие на возможность обойтись без выбора: «Кавафис раскачивался между язычеством и христианством, а не выбирал из них» [5, IV; 176]. Только полюсов, между которыми «раскачивается» Бродский, гораздо больше. Кроме язычества и христианства, просматривается иудаизм, но опять-таки внеконфессионально, в экзистенциалистской модификации: «...метафизические горизонты иудаизма и христианства произвели довольно сильное впечатление. [...]. Я бы, надо сказать, почаще употреблял выражение иудео-христианство, потому что одно немыслимо без другого. И, в общем – то, это примерно та сфера и те параметры, которыми определяется моя, если не обязательно интеллектуальная, то, по крайней мере, какая-то душевная деятельность» [8, 7]. Обращает внимание неслучайность оговорки И. Бродского по отношению к понятию, отражающему самосознание русской культуры – «душевная», но не «духовная» (концепт религиозного характера) деятельность. В этом плане он близок И. Бунину, религиозно-поэтическое сознание которого Н. Струве характеризует так: «Умом своим Бунин верил в Бога, но сердца своего ему не отдал. [...]. Духовное ему было чуждо» [10, 363]. Культурно-религиозному сознанию И. Бродского вполне имманентны те высказывания, в которых Священное Писание ассоциируется с «учебником культуры», а откровение о Боге корреспондирует с Его восприятием как «культурной силы» [11, 221]. В поэтическом пространстве «Речи о пролитом молоке» христианство и культура – синонимические категории: «Создать изобилие в тесном мире / – это по-христиански. Или: / в этом и состоит Культура», что сближает автора «Урании» с О. Мандельштамом, который также обретает «веру

через точки соприкосновения между христианством и культурой – сначала через Рим, затем – Византию» [10, 435].

Как известно, сознание человека устроено иерархически. В роли верховного божества для И. Бродского выступает культурный феномен – язык: «Если Бог для меня и существует, то это именно язык. Для поэта Царство небесное, доктрины и т. д. – только трамплины, отправные точки, начальный этап его метафизических странствий. Диктат языка – это и есть то, что в просторечии именуется диктатом музыки» [7, 125]. Иными словами, для культурно-религиозного типа сознания, определяющего светский характер творчества Иосифа Бродского, христианская религиозность, библейская топика и мотивика функционируют прежде всего в качестве «чужого слова», интертекстуального претекста, художественного приема или модифицируется в зависимости от эстетических задач в данный момент творчества. Потому согласимся с суждением А. Наймана о том, что предпочтительнее говорить не о Творце, а о Небе у Бродского, и что в словосочетании «христианская культура» поэт делает акцент не на первом, а на втором слове [12, 42].

Библейская тематика, ворвавшаяся в поэзию Бродского мощным потоком, начиная с 60-х годов, представлена во все периоды его творчества, начиная с «Исаака и Авраама» (1963) и заканчивая «Бегством в Египет – II», написанным за два месяца до смерти (1995). (В скобках заметим укорененность в русской духовно-поэтической традиции этой темы и стихов с аналогичным названием: «Сфинкс» К. Р. (К. Романов), «Вечер» В. Ходасевича, «Наконец-то повеяла мне золотая свобода» Г. Иванова, Н. Тряпкин «Это было в ночи, под венцом из колючего света...» «Бегство в Египет» Ф. Глинки, И. Бунина). В корпусе религиозно-философской поэзии И. Бродского условно можно выделить три направления: стихи, посвященные сюжетам и образам Ветхого Завета («Исаак и Авраам», «Разговор с небожителем» - лучшие из них); стихи, интерпретирующие темы, мотивы и образы Нового Завета («Рождественская звезда», «Сретенье», «Рождество 1963» («Спаситель родился ...»), «Рождество 1963» («Волхвы пришли. Младенец крепко спал...»), «Колыбельная»); стихи, содержащие размышления на духовные

темы, библейские аллюзии и реминисценции («Рождественский романс», «Провинция справляет Рождество», «Лагуна», «Речь о пролитом молоке», «Два часа в резервуаре»). На библейские сюжеты поэтом создано около тридцати стихотворений. Такая особенность поэзии И. Бродского, как лейтмотивная организация, характерна и для религиозно-философской тенденции, что нами будет показано в дальнейшем.

Инвариантным для культурно-религиозного сознания И. Бродского становится мотив Богоискания и Богопознания. Им маркируется интенсивная духовная жизнь поэта, подъемы и кризисы, периоды приближения к Богу и апостасийности (богоотступничества). Так, «богоотрицающие» строки в «Пилигримах» (1958): «И, значит, не будет толка / От веры в себя да в Бога /... И, значит, остались только / Иллюзия и дорога» [5, I,24], отражающие антропоцентризм мышления раннего Бродского, разовьются в мотив богоотступничества и человекобожия, например, в «Стихах под эпитафией», в строках, содержащих аллюзию на известную философу Ф. Ницше: «Богово станет нам / сумерками богов» [5, I,25], в кощунственное сопоставление неистовости возлюбленной с накалом голгофских страстей: «Назорею б та страсть, / Воистину бы воскрес» [5, III, 30]. Отметим, что проблема выбора между Богочеловеком и человекобогом, актуальная в Серебряном веке (З. Гиппиус, В. Брюсов, А. Блок, Ф. Сологуб, В. Маяковский, М. Цветаева), не могла пройти мимо внимания И. Бродского и других современных поэтов (С. Стратановский, Г. Русаков, А. Цветков). Манифестированная Ф. Ницше (а затем и утопическим сознанием) смерть Бога, утрата старых ориентиров, повлекли за собой, как и на последнем рубеже XX столетия, кризис идентичности. В «Сумерках кумиров, или как философствовать молотом» Ф. Ницше отмечает трагизм пограничного сознания «осиротевшего» человека: «Переоценка всех ценностей представляет собою такой мрачный, такой чудовищный знак вопроса, что набрасывает тень даже на того, кто его ставит» [13, 259]. Заметим, что рубежи XX века типологически сближает трагический субъект, носитель дискретного, лишённого традиционных ценностей сознания, к тому же изрядно «приправленного» нарциссизмом в двух переплетающихся, по А. Жолковскому,

«ипостасях»: в духе нищезанского самообожествления и христианизированного «нарциссистского самоосуществления путем слияния с [...] божественной личностью Христа» [14, 238]. Показательны, например, программные заявления из «Посвящения» З. Гиппиус: «Но люблю я себя как Бога» или «Во мне – ко мне – большая страсть. / Люблю себя – и презираю» из цикла с многозначительным названием «Я» [15, 36]. Или, скажем, богоборческие мотивы «Ладомира» В. Хлебникова: «Как часто вывеской разбою / Святых служили костыли», подкрепленные человекобожеским пафосом: «Ты божество сковал в подковы, / Чтоб верней служил тебе».

И. Бродским написано немало стихов, в которых мотивы Богоискания и Богопознания представлены чуть ли не во взаимоисключающих друг друга формах высказывания. Таковы «Натюрморт», «Новые стансы к Августе», «Пенье без музыки», поэма «Шествие», «Лагуна». Так, в «Новых стансах к Августе» [5, I, 386] мотив Богопознания проявляется в стремлении лирического субъекта услышать и понять Всевышнего, в непосредственном обращении к Богу с трогательной просьбой о Боговодительстве: «Вот я стою в распахнутом пальто, / и мир течет в глаза сквозь решето, / сквозь решето непониманья. / Я глуховат. / Я, Боже, слеповат. / Не слышу слов... /» [5, I, 389], которая остается неуслышанной. В обращении к Богу доминирует ощущение беспомощности, растерянности, интонации грусти и печального смирения. В совершенно иной тональности звучит мотив Богоискания в поэме «Шествие» [5, II, 239]: императивная форма («должно быть»), сопряженная с лозунговой интонацией призыва к «штурму» духовных высот, к «горнему»: «За ваши чувства высшие цепляйтесь каждый день» – заставляет усомниться в искренности лирического субъекта, в его готовности принять эту максиму «безмерно большим сердцем» (М. Цветаева), а не холодным рассудком и с изрядной долей скепсиса. Заимствованная из соцреалистической поэзии стилистика создает установку на снижение и демонстрирует пустоту пафоса.

Мотивы Богоискания и Богопознания переплетаются с одним из самых трагических в религиозно-философской лирике И. Бродского мотивом богооставленности, происхождение которого во многом предопределено

биографическими фактами. Мотивы утраты, одиночества, отчаяния, отчуждения доминируют в его поэзии почти пятнадцать лет (1972-1987), отражая глубокую личную драму: «Тело в плаще обживает сферы, / где у Софии, Надежды, Веры / и Любви нет грядущего...» (5, II, 320). Лирический субъект – «постоялец», странник, подобно Улиссу, «совершенный никто», «человек в плаще, потерявший память, отчизну, сына», будущее и даже саму возможность быть оплаканным (5, II, 320), для которого ...вся вера есть не более чем почта / в один конец» (5, II; 210). На это обращает внимание А. Ранчин: «Раздвоенность в отношении к Богу – одно из проявлений трагичности существования «Я» у И. Бродского. Препятствие – метафизическое одиночество... Бродский «постхристианский» поэт, не ожидающий встречи с личностным Богом, но переживающий Богооставленность и склоняющийся к неверию» [9, 144-145]. Об этом тяжелом чувстве, жестоком испытании для души поэт говорит в частных письмах и эссе.

Обозначим и другие мотивы религиозно – философской лирики И. Бродского: мотивы безверия и демонизма («Два часа в резервуаре», «Речь о пролитом молоке»); мотивы страдания и покорности как ценностные категории христианского сознания («Шествие», «Стихи о приятии мира», «Разговор с небожителем»); мотив благодарности за перенесенные испытания («Я входил вместо дикого зверя в клетку», «Элегия»); мотив надежды, любви, Спасения («На столетие А. Ахматовой», «Сретенье», «Рождественская звезда»).

Начиная с «Рождественского романса» 1961 года, Бродским написано 21 стихотворение, посвященное Рождеству. Среди них в 15 речь идет о Христе и евангельских событиях, остальные 6 содержат аллюзии, реминисценции на рождественскую тему. Рождество для поэта, не склонного к пафосным речам, уникальное событие, связанное, по его словам, «с исчислением жизни». Как пишет Л. Лосев, «начиная с «Рождественского романса» (1961) календарь поэзии Иосифа Бродского определяемый не датами солнцеворотов, а только Рождеством, Пасхой, Сретеньем. Смена номеров года малозначительна, важно другое, что каждый год повторяет Рождество, Пасху и все остальное. Этим во многом и определяется волнующая сиеминутность происходящего в календарных стихах И. Бродского,

эффект присутствия и участия автора» [16, 165]. Написание календарных стихов на религиозные темы типологически сближает религиозно-философскую поэзию И. Бродского с модернизмом, также возродившим эту традицию на рубеже веков (В. Соловьев «Ночь на Рождество», «Имману-Эль», А. Блок «Был вечер поздний и багровый...», «Рождество», З. Гиппиус «Белое», «Второе Рождество», М. Кузмин «Рождество», Б. Поплавский «Рождество расцветает. Река наводняет предместье...»). В дальнейшем каждое Рождество Бродский встречает стихотворением. Это событие становится его личным переживанием, поскольку психологическое время поэта сливается с сакральным временем христианской культуры.

Рождественская тема становится неким «индикатором» духовного и творческого состояния, отражая периоды творческих подъемов и кризисов В. Бродского. В структурно-семантическом комплексе его религиозно-философской поэзии можно проследить развертывание системы лейтмотивов, воплощенных посредством сквозных образов-символов, характерных для религиозно-поэтического сознания и стилистики автора в определенный период творчества [17]. Так, в петербургский период (1961-1972), положившим начало работы над темой («Рождественский романс», «Провинция справляет Рождество», «Рождество 1963 года», «Второе Рождество на берегу», «24 декабря 1971 года»), лейтмотив «рождественская звезда» развивается в ключевых, традиционных для христианской топики образах волхвов, даров, избияния младенцев, пещеры, чуда, Духа Святого, Божьей Матери, надежды; в эмигрантский период с 1972 по 1987, ознаменованный творческим кризисом в раскрытии этой темы («Лагуна», «Замерзший кисельный берег»), актуализирован лейтмотив богооставленности, дополненный экзистенциальными мотивами и образами: одиночества, пустыни, прощания, смерти, мрачной безысходности; время с 1987 по 1995 год характеризуется творческим подъемом, который отражается в возрождении в культурно-религиозном сознании И. Бродского рождественской темы («Рождественская звезда», «Бегство в Египет», «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере», «Не важно, что было вокруг», «Колыбельная», «В воздухе сильный мороз и хвоя»,

«Presepio», «Бегство в Египет 2»), в актуализации лейтмотива «рождественская звезда» через систему инвариантных и новых образов (Бога-Отца, Иисуса Христа, Святого семейства, ангелов) и мотивов (чуда, пещеры, пустыни, Голгофского креста, прощения).

И все-таки культурно-религиозное сознание И. Бродского не располагается в одномерной плоскости приятия иудео-христианства. Скажем, в «Разговоре с небожителем» Ангел лишается божественной атрибутики и низводится до некоего фантомного существа, более того, безмолвного и безучастного: «...И, кажется, уже / не помню толком, / о чем с тобой / витийствовал – верней, с одной из / кукол, / пересекающих полночный купол (5, II, 214). Богоборческие обертоны: «...тебе твой дар / я возвращаю – не зарыл, не пропил», иронично снижены, несмотря на библейскую аллюзию и пафосность, ассоциативно связанную с высказыванием И. Карамзова. Лирический субъект И. Бродского, заброшенный в мир – в это несовершенное творение Господа Бога – как «испытатель боли», обречен на повторение пути Иисуса «здесь, на земле» (зачин стихотворения и рефрен нескольких октав) без надежды на благодать и Воскресение. Семантическое поле образа жертвы структурируется за счет включения сакральной образности, времени и пространства; оппозиции восхождение / нисхождение, характерной для поэтики символистов; аллюзий на крестные муки Христа и Его второе пришествие: «стигматы завернув свои в дерюгу, / идешь на вещи по второму кругу, / сойдя с креста» [5, II, 215].

Одна из важнейших черт поэтики Бродского – «лексическая дерзость», проявляющаяся в недискриминированном словаре, в сближении далеко отстоящих друг от друга словесных пластов, маркирует и религиозно-философскую тему. Полилексичность выполняет различные функции: в ряде произведений высокая лексика становится компонентом стилизации, создает стилевые эффекты патетичности, сообщая тексту торжественность, превышающую уровень обычной для И. Бродского поэтизации, а также является одним из приемов создания иронии, направленной на разрушение «возвышающего обмана» [18, 185]. В стихотворении «Разговор с небожителем» полилексичность служит десакрализации образа

искупительной жертвы, ее полного отрицания и бесполезности, низведения до своего рода «каприза» Бога-Отца, что приращивает дополнительные смыслы к мотиву богооставленности. В ироническом модусе автором рассматривается ситуация Богообщения, метонимически обозначенная «взглядом в потолок», концепт Веры редуцирован до банального компромисса перед страхом смерти, поскольку даже сама «мысль о – как его! – бессмертии» – это иллюзия, а не панацея от одиночества и уж тем более не надежда на Спасение.

Как представляется, мотив бунтарства, непослушания Всевышнему, обрекающего «нового Иисуса» на крестные муки: «Там, на кресте, не возоплю: «Почто меня оставил?!» / Не превращу себя в благую весть!» [5, II, 213] у И. Бродского корреспондирует с чертами «голгофника оплеванного» у В. Маяковского и его богоборческими пассажами: «...и не было ни одного, / который / не кричал бы: / «Распни, / распни его»; или «Я думал – ты всеильный божище, а ты недоучка, крохотный божик»; «Я, может быть просто, / в самом обыкновенном Евангелии / тринадцатый апостол» («Облако в штанах»), что позволяет выстроить типологическую параллель на основе характерного для обоих авторов и для модернистских течений в целом уподобления поэта Христу (Ф. Сологуб, В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый, О. Мандельштам). Как видим, модель уподобления поэта Христу, представленная в культурно-религиозном сознании И. Бродского, также типологически сближает его творчество с духовными исканиями поэзии модернизма.

Литература

1. Седакова О. Кончина Бродского // Седакова О. Проза / Сост. А. Великановой. – М.: Эн Эф Кью / Ту Принт. – 2001. – С. 830-843
2. Кабанков Ю. Обращение. Литература конца XX века: упадок или поиски новых путей? // Литературная учеба. Май / июнь, кн. 3 – 1991. – С. 48-51.
3. Мандельштам О. Скрябин и христианство // Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; коммент. П. Нерлера. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 157-161

4. Сартр Ж.-П. Один новый мистик // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб., 1994. – С. 18-48
5. Бродский И. Сочинение в пяти томах. – СПб: Пушкинский фонд, 1992-1999. / Стихотворения, эссе, Нобелевская лекция (цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома римскими цифрами и страницы арабскими)
6. Кушнер А. «Здесь, на земле...» // Иосиф Бродский: труды и дни. – М: Независимая газета, 1999. – С. 154-206
7. Глэд Д. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье – М: Кн. Палата, 1991. – 320с.
8. Амурский В. И. «Никакой мелодрамы...» / Беседа с Иосифом Бродским // Амурский В. И. Запечатленные голоса. – М.: Издательство «МИК», 1998. – С. 5-17
9. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 464с.
10. Струве Н. А. Православие и культура / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский путь, 2000. – 623с.
11. Келебай Е. Поэт в доме ребенка (пролегомены к философии творчества Иосифа Бродского). – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – 336с.
12. Полухина В. Бродский глазами современников. Сб-к интервью. СПб., 1997 – 336с.
13. Ницше Ф. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом // Фридрих Ницше и русская религиозная философия: Переводы, исследования, эссе философов «серебряного века»: В 2т. Т. 2 / Сост., комментарии И. Войцкой. – Мн. – М.: «Алкиона – «Прецельс», 1996. – С. 259-334
14. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука, 1994. – 428с.
15. Гиппиус З. Н. Опыт свободы / Подготов. текста, составл., предисл., примеч. Н. В. Королевой. – М.: Панорама, 1996. – 526с.
16. Лосев Л. Новое представление о поэзии: интервью о Бродском с В. Полухиной // Звезда. – 1997. – №1. – С. 159-172

17. Ильинская Н. И. «В каждом из нас Бог...» (религиозно-философские мотивы лирики Иосифа Бродского) // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XV – Херсон: Видавництво ХДПУ, 2002. – С. 218-222
18. Ильинская Н. И. Поэта далеко заводит речь: лингвистический аспект лирики И. Бродского // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XV – Херсон: Видавництво ХДПУ, 2001. – С. 179-183

Анотація

Предметом наукової розвідки є специфіка релігійно-поетичної свідомості Й.Бродського. Простежено чинники, які сприяли зверненню поета до релігійної тематики, мотивна структура, домінантні образи його релігійно-філософської поезії, виявлено типологічні паралелі, що свідчать про схожість культурно-релігійної свідомості Й.Бродського до поетів Срібного віку.

Summary

The subject of the scientific search is the specific character of I.Brodsky's religious and poetical consciousness. The author traces the factors that promoted the poet's addressing to the religious themes, the motive structure, the dominant images of I.Brodsky's religious and philosophical poetry. Also the typological parallels which evidence the similarity of I.Brodsky's cultural and religious consciousness to the poets of the Silver Age are displayed.